

**Сборник материалов
I Евразийского
философского
конгресса**

(Москва, 16–17 февраля 2024 г.)

Тезисы. Доклады. Статьи.

**ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ**

**Сборник материалов
I Евразийского философского конгресса
(Москва, 16–17 февраля 2024 г.)**

ТЕЗИСЫ. ДОКЛАДЫ. СТАТЬИ.

**Scientific collection
The first Eurasian Congress of Philosophy
(Moscow, February 16–17, 2024)**

THESES. REPORTS. ARTICLES.

Москва • Книжный мир • 2024

Сборник материалов I Евразийского философского конгресса издан при поддержке — Президентского фонда культурных инициатив и Акционерного общества «Тинькофф Банк».

Рецензенты:

Кузнецов Н. В., доктор философских наук, профессор, директор Института философии СПбГУ;

Перцев А. В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры УГИ Уральско-го федерального университета;

Алиси А. Л., доктор философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России.

Редакционная коллегия: Матвейчев О. А., (главный редактор), Чугайнова Ю. И., Евсева Н. И., Куликова О. В., Зайцев Д. Э., Блинов П. В.

УДК 141.2

ББК 87.6

Сборник материалов I Евразийского философского конгресса (Москва, 16–17 февраля 2024 г.): Тезисы. Доклады. Статьи / Фонд реализации общественных проектов «Время» — М.: Издательство «Книжный мир», 2024. — 634 с.

ISBN 978-5-6051998-8-5

Сборник включает в себя материалы I Евразийского философского конгресса, который прошел в Москве 16–17 февраля 2024 г. при поддержке Президентского фонда культурных инициатив, Института философии Российской Академии Наук, философского факультета Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова, Института философии Санкт-Петербургского Государственного Университета, факультета гуманитарных наук НИУ Высшая Школа Экономики, Российского философского общества. Главной целью конгресса была организация свободной площадки для философских дискуссий с участием авторитетных российских и мировых ученых.

В работе конгресса приняли участие известные ученые, представляющие 13 стран мира: Россию, Китай, Германию, США, Францию, Беларусь, Сербию, Индию, Иран, Шри-Ланку, Монголию, Кубу, Австрию.

Программа I Евразийского философского конгресса включала в себя пять экспертных панелей: «Диалог или столкновение цивилизаций? Евразийский проект в современном мире», «Философская футурология. Мышление и вызовы будущего: человек и новые технологии», «Разнообразие рациональностей. Восток и глобальный Юг на философской карте мира», «Русская идея» и современность (к 150-летию Н. А. Бердяева), «Кто выживет после постмодерна? Традиционные ценности vs неolibеральная этика». В сборник представлены тезисы, доклады, статьи по заявленным темам экспертных панелей.

Сборник предназначен для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов социально-гуманитарных факультетов ВУЗов, а также для всех специалистов, интересующихся проблемами философии в современном мире.

Авторы включенных в сборник материалов несут ответственность за содержание, точность и достоверность публикуемой информации.

ISBN 978-5-6051998-8-5

© Авторы, 2024

© Фонд реализации общественных проектов «Время», 2024

Оглавление

Приветствия в адрес участников I Евразийского философского конгресса	11
Экспертная панель 1.	
Диалог или столкновение цивилизаций?	
Евразийский проект в современном мире	
<i>Маслин М. А.</i>	
Евразийское многообразие русской философии.....	14
<i>Сакс Д.</i>	
Достижение мира в Евразии в XXI веке.	
Роль этики, культуры, истории и экономики.....	21
<i>Го Лишанг</i>	
Сопротивление и перерождение: Новые концепции	
русской цивилизации в неоевразийстве	28
<i>Духан И. Н.</i>	
Пролог современности. Лейбниц и проект мирового культурного	
многообразия	40
<i>Кольевич Гриффит Б.</i>	
Евразийский проект диалога,	
и что осталось от диалога на Западе	61
<i>Соколов А. М.</i>	
Проблема собственности в ценностном горизонте евразийской	
цивилизации	78
<i>Беквит К.</i>	
Скифское влияние на рождение философии	
от Китая до Греции	93
<i>Понизовкина И. Ф.</i>	
Роль глобальной исторической картины мира в современной	
международной политике	98

Соколов Алексей Михайлович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

Проблема собственности в ценностном горизонте евразийской цивилизации¹

Аннотация. Вопрос о собственности — вопрошание о своем, родном, неотъемлемом. С него начинается философия. И, когда П. Я. Чаадаев, пробудив русское самосознание недоумевающим вопросом: «кто мы?», он исподволь приходит к опознанию своего в раздолье, бескрайности, непроходимости, неустроенностью родного русского Края. Необъятный край — в ширину, в даль, в глубину, «доставшееся нам в удел». Вопрос о собственности — это вопрошание о собственнике, о субъекте, подлежащем мира. И у Чаадаева не случайна доминанта не «Я», но — «Мы». У необъятности (как в математической бесконечности) не может быть части, частности, обособленности. Обособленность как частность, произвольно полагаемая принципом в предпосланности неисчислимого изобилия, в действительности разворачивается тотальным противостоянием обособившихся индивидов-ничтожеств (в силу их принципиальной неопределенности), или войну каждого против каждого. Субъектом-собственником в предпосланности необъятного, изобильного края может быть только сообщество людей, каждый из которых отношение к ближнему полагает как определяющее его индивидуальную сущность. Суровость

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда: грант № 24–28–00533 «Социокультурное и геополитическое наследие Н. Я. Данилевского в историческом и современном контекстах»

природной стихии способствует отбору тех, кто смеет с этой стихией жить, но и умеет эту стихию обживать. Суровый евразийский простор веками отбирал народ, кто достоин (обладает достоинством) не присваивать, и даже не осваивать, а — преобразать. Это народ — не частный собственник, а хозяин, который сам свободно, вопреки предпосланным обстоятельствам занял себя общим делом — преобразованием стихий необъятного Края в совершенство российского Космоса.

Ключевые слова: *собственность, Чаадаев, евразийское пространство, Край, освоение, преобразование, общее дело*

Alexey M. Sokolov

DSc in Philosophy, Professor, Head at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (Russia)

The Problem of Ownership in the Value Horizon of the Eurasian Civilization

Abstract. The question of ownership is a question about one's own, native, and inalienable. Philosophy begins with him. Russian consciousness awakened by the perplexing question: "who are we?", he gradually comes to identify his own in the expanse, vastness, impassability, unsettled native Russian Land Vast land — in width, in distance, in depth, "inherited to us." The question of property is a question about the owner, about the subject, the subject of the world. And Chaadaev's dominant is not accidental, not "I", but "We". Immensity (as in mathematical infinity) cannot have a part, a particular, an isolation. Isolation as a particularity, arbitrarily assumed by the principle in anticipation of incalculable abundance, in reality unfolds as a total confrontation of isolated individuals-

nonentities (due to their fundamental uncertainty), or a war of each against each. The subject-owner in the presupposition of an immense, abundant land can only be a community of people, each of whom considers his attitude to his neighbor as determining his individual essence. The severity of the natural element contributes to the selection of those who dare to live with this element, but also knows how to in-habit this element. For centuries, the harsh Eurasian expanse has been selecting people who are worthy (have dignity) not to appropriate, or even master, but to transform. This people is not a private owner, but a master who himself freely, contrary to the circumstances prescribed, engaged himself in a common cause — the transformation of the elements of the vast Region into the perfection of the Russian Cosmos.

Keywords: property, Chaadaev, Eurasian space, Edge, development, transformation, common cause

Вопрос о собственности — это первый и основной вопрос философии. Это вопрос о том и прояснение того, что такое тот, кто вопрошает о собственном. Это вопрошание о своем, родном, неотъемлемом, о таком собственном свойстве, без которого вопрошающий несостоятелен. Только ответ на вопрос о собственности делает возможным любой другой вопрос и ответ на него. Вопрос о собственности — это вопрошание, на которое отзывается и отвечает сама душа, собирающая в целостную полноту стихийные энергии естества, претворяемые ею в перовое слово и первое дело, преображающие неопределенность бытия в совершенство определенной действительности, в красоту упорядоченного мира.

Можно без труда показать, что с вопроса о собственности, о своем, родном, неотъемлемом, безусловном основании начинал Платон в «Алкивиаде I», Августин — в «Исповеди», Декарт — в «Рассуждении о методе», Маркс — в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». С того же самого вопроса начиналась и русская философия, когда П. Я. Чаадаев возмутил и тем самым пробудил русское самосознание восклицаящим недоумением: «Кто мы?».

В этом вопрошании недоумении «басманного философа» важно выделить два момента.

Первый момент. У Чаадаева возникает вопрос: не «кто я»? Из него вырывается вопрос: «Кто мы»? Замечателен он тем, что возвращает философское сознание к его подлинной форме, утраченной в следствие новоевропейской революции радикального рационализма, начатой Декартом. Вероятнее всего, не отдавая себе в том отчета, наш философ избегает того, что можно назвать метафизическим лукавством «ego cogito», постулировавшим самодостаточность индивидуального мышления. Чаадаев, по сути, совершил «переоткрытие» соборной субъективности, которая впервые себя предъявила философским сознанием Платона в его диалогах и которая так или иначе разворачивала себя и в более поздние античные времена, и во времена христианской патристики и даже схоластики, когда мысль одинокого сознания почти ничего не стоила.

Причем в поисках ответа на него он в сократовском стиле, формулирует, казалось бы, только отрицательные суждения: «мы никогда не шли

об руку с прочими народами»; ...мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода»; ...«мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку», ...«мы не были затронуты всемирным воспитанием... мы также ничего не восприняли и из преемственных идей человеческого рода»; мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих»; ...«мы ...не обладаем ...ни одним из достоинств»; ...«мы ничего не сделали для общего блага людей»; ...«мы не дали себе труда ничего выдумать сами»; и даже о христианстве «мы не имеем ясного понятия». А утвердительные суждения Чаадаева только усугубляют отрицательный лейтмотив его постулатов: «Мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми...»; «мы как будто на постое»; «мы волнуемся из детского легкомыслия»; «мы находимся ...в стадии хаотического брожения в мире»; «мы живем одним днем»; «мы растем, но не созреваем»; «мы движемся в веред, но по кривой линии, которая не ведет к цели», «мы замкнулись в своем религиозном обособлении»; «мы принесли с собою лишь идеи и стремления, плодом которых было громадное несчастье»; «мы обратились к жалкой глубоко презираемой [«просвещенными народами» — *А.С., Н.К.*] Византии». Этот длинный ряд отрицательного самоопределения, взятого всего из двух страниц первого философического письма, можно было бы еще продолжать и продолжать, ничего не прибавляя к выводу странной, самоуничтожительной энтимемы: «мы — не это», «мы — не то», «мы — не понятно что».

И если бы кто-нибудь провел исследование на предмет реакции русского ума на обескураживающий своей беспощадностью самобичевания Чаадаева, то, скорее всего, ему бы без больших усилий удалось показать, что ни один из брошенных России и русским упреков не остался без огромного числа явных и неявных комментариев. При том, что зачастую последние достигали уровня систематического понимания России. К таковым, пожалуй, стоило бы отнести Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Л. Н. Тихомирова, В. В. Розанова, Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, И. А. Ильина. Можно сказать, что у каждого из этих авторов мы находим историософию как начало самой настоящей российской космологии — универсального учения о совершенном мироустройстве. Вынося за скобки упреки по поводу «цивилизационного шовинизма», «имперских амбиций», нельзя игнорировать первичную мировоззренческую интуицию русской философской мысли, обнаруживающую глубочайшее переживание несовершенства нынешнего мира, порождающее неумалимое желание, стремление вернуть ему правду. Историософия России с этой точки зрения представляет собой тысячелетнее оформление и средоточение «земли русской» как предысторическую эпоху, по завершению которой начнется подлинная история человечества.

И здесь мы подошли ко второму моменту чаадаевского «недоумения», которое невозможно оставить без внимания и понимания того, что в нем прорывается гениальное прозрение принципа,

развитие которого отныне начинает определять историческую судьбу не только России, но и всего остального мира.

В нескончаемой череде отрицательных восклицаний, как бы случайно Чаадаев наталкивается на то, что и является его собственным свойством, его как существа, вынужденного отождествлять себя со своей родиной: «Pour nous faire remarquer, il nous a fallu nous étendre du détroit de Behring jusqu'à l'Oder»¹. («Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера»²). Первый настоящий русский философ уловил словом очевидные данности в сугубо негативном, критическом, можно сказать, софистическом стиле. Ни именно из его радикального недоумения начинается движение нашей мысли к положительному осознанию своего, собственного, неотъемлемого, родного.

От Одера до Берингова пролива, точнее, до — Аляски (во времена Чаадаева она еще была русской) — это и есть «мы», Россия, с ее раздольем, бескрайностью, непроходимостью, неустроенностью. Хотя про «непроходимость» и «неустроенность» сегодня уже можно поспорить. Непонятно только то, почему Чаадаев, ухватив (*en français*) количественное определение своей родины, упустил из виду ее качественное содержание. Это можно объяснить только тем, что русская аристократия

¹ Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое. // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х т. М., «Наука». Т. 1, 1991. С. 96.

² Там же. С. 330.

начала девятнадцатого столетия видела содержание только в западной части Света, куда регулярно «наведывалась» и чем очаровывалась. Восточная же сторона издавна, если не сказать изначально, по крайней мере, с XI века, была взята в удел людьми «неблагородного» происхождения. Именно эти «неблагородные» люди «растянули», «расширили», распахав, распахнули вместе с неопределенной необъятностью пространства величие земли и мощь духа, ею пробуждаемого.

По-видимому, для того, чтобы подчеркнуть уничтожительность чаадаевского суждения, в наших изданиях, включая академическое, французское «étendre» переводят как «растянулись» или «распластались». В этом, конечно же, есть резон, учитывая критический настрой мысли самого Чаадаева. Но положительное знание, а философия именно такова, не может не быть пафосным знанием, восхищающим ум, созерцающей мир в его полноте. Наша аристократия в лице не одного только Чаадаева восторгалась фактически финализирующими результатами культуры, достигшей апогея своего трехтысячелетнего развития. Закономерно, что в очарованности окончательным совершенством чужих форм оскудевала собственная мысль, теряя пронизательность и творческую продуктивность. Отчужденная от деятельности, обустроивающей родину, она могла уловить только внешнее ее содержание. Поэтому для отставного «офицера гусарского» «неосторожность» «поселения» в «жестком климате», означала только желание «устроиться <...> так, что-

бы можно было несколько забыть его суровость»¹. Так ли это было для Ермака Тимофеевича, проложившего путь через Камень или Ерофея Хабарова, дошедшего до Амура, или Петра Бекетова, основавшего Якутск, или Андрея Дубенского, заложившего острог Красный Яр? — вопрос риторический. Правоммерно, конечно, допустить, что среди побудительных мотивов сибирских первопроходцев или поморских отшельников были житейские нужды. Но ведь точно такие же нужды других людей уводили в страны с более благоприятными условиями жизни. В нашем же случае народ продвигался по землям, которая, если и была обетована, то богом куда более требовательным, чем тот, который вынудил евреев переселиться в Ханаан.

Евразийский простор в продолжении тысячелетий оставался транзитным метапространством, сквозь которое проходили множество племен: тюркских, германских, угро-финских, славянских племен. Но все они не задерживались здесь долго, предпочитая искать лучшей доли в более богатых, обжитых местах, где жизнь уже давно была налажена и допускала время от времени в цивилизационном масштабе лишь определенную модернизацию, улучшающую ее многовековой уклад. В этом смысле западно-европейский регион, организовавшийся вокруг Средиземного моря с бассейном впадающих в него рек все время манил дикие

¹ *Чаадаев П. Я.* Философические письма. Письмо первое. // *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х т. М., «Наука». Т. 1, 1991. С. 340.

и дикие племена, которые приходили и устраивались, подчиняясь законам, хотя и открытым не ими самими, но гарантирующим простое житейское благополучие. В. О. Ключевский очень удачно выразился по этому поводу: «Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среде покорённых ими римлян или романизованных провинциалов павшей империи, становившихся для него живыми проводниками и истолкователями этой культуры»¹. От себя добавим, что далеко не только «германец», но и славянин и угрофин расселялись в Паннонии, Далмации, Фракии, Реции.

У тех, же кто остался в лесостепной зоне на восток от Борисфена и Танаиса ситуация была совсем иная. Они «...увидели себя на бесконечной равнине, своими реками мешавшей им плотно усесться, своими лесами и болотами затруднявшей им хозяйственное обзаведение на новоселье, среди соседей, чуждых по происхождению и низших по развитию, у которых нечем было позаимствоваться и с которыми приходилось постоянно бороться, в стране не-насиженной и нетронутой, прошлое которой не оставило пришельцам никаких житейских приспособлений и культурных преданий, не оставило даже развалин, а только одни бесчисленные могилы в виде курганов, которыми усеяна степная и лесная Россия»².

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I. // В. О. Ключевский, Сочинения в 9-ти т., М., «Мысль», 1987. С. 48.

² Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I. // В. О. Ключевский, Сочинения в 9-ти т., М., «Мысль», 1987. С. 48.

Необъятный простор неустроенного края — это евразийская лесостепь — «месторазвития» России, по выражению П. Н. Савицкого. «Месторазвития» настолько неустроенно, насколько может быть неустроен край в своей метафизической неопределенности, которая извечно господствовала среди диких племен, не позволяя выйти им состояния естественной непосредственности. Необъятный край — в ширину, в даль, в глубину, в высь: вот что «досталось нам в удел». Нам в удел достался метафизический фронт — предместье (μετὰ τόπος) мира, где есть все и нет ничего. Предместье мира — его полная возможность, которая не может не исполниться. Но что значит «исполниться»?

Исполнение всегда имеет в виду чье-то исполнение. Все исполняется, благодаря кому-то. Так мы опять подошли к вопросу о субъекте — субъекте исполнения. А, может быть, только агенте, т. е. исполнителе не своего, а чужого? Нет! Евразийское «месторазвития» стало «μετὰ τόπος-ом», «предместьем» нашей родины, рождающейся вместе с нами в каждом моменте нашего совместного сверхусилия, нашего дела, в котором вопреки невыносимым обстоятельствам ужасающий хаос стихий преобразуется красотой российского космоса. Нашим уделом стала свобода определения неопределенного. Свобода как всегда новое, ранее небывалое дело, претворяющее стихийность бытия в совершенную определенность, устроенность, упорядоченность мира.

Свобода — это не беспредпосылочное начало человеческого существования в мире. Мир в сво-

ей неопределенности всегда предпослан человеку, как обуславливающее его предел. А свобода — подвиг преодоления обуславливающей предпосланности (предметности), это бытие вопреки обстоятельствам. «Вопреки» в том смысле, что перечить обстоятельствам, не отрицая и уничтожая их, а внимать им, понимать их, находить с ними общее, и переводить его из разряда чужого и враждебного в разряд своего, родного. И эта процедура начинается с разбора самого себя, внимания к себе, как безусловно своему собственному и пониманию его.

Вопрос о своем, родном и есть вопрос о собственности. Это вопрошание о собственнике, о субъекте, подлежащем мира. И у Чаадаева не случайна доминанта не «Я», но — «Мы». «Мы», которое начинается с движением славянского племени на восток примерно в XI веке. Русским оно становилось по мере фронтального расширения этого движения, вовлекающего в свое подвижничество представителей других племен. «Русскими» в космологическом смысле стал союз-братство этих самых подвижников, которые несли в себе не столько этнические особенности, сколько духовное родство, составившее универсальность жизненного стиля. Этот русский стиль спокойно сочетался с любым из сохраненных той или иной этнической общностью жизненных укладов, т. к. сам приобщался, внимал каждому из них, чему непосредственно способствовали становившиеся русскими татары, чуваша, остяки, вогулы и многие другие. При том, что самому межплеменному братству как собственно историческому, т. е. свободно и со-

вместно совершенному акту, предшествовало метаисторическое событие избрания племен Землей их принявшей. Подобно тому, как народ Израиля был избран суровым и ревнивым богом, народ России был избран, отобран суровой, но благодатной землей Евразии. Он был избран как народ, обладающей способностью жить независимо от невыносимых условий, жить, свободно преображая их, раскрывая свою душу и душу земли, принявшей его. Суровый евразийский простор веками отбирал народ, кто достоин (обладает достоинством) не присваивать, и даже не осваивать, а — преобразовать. Это народ — не частный собственник, а хозяин, который сам свободно, вопреки предпосланным обстоятельствам занял себя общим делом — преобразованием стихий необъятного Края.

У необъятности (как в математической бесконечности) не может быть части, частности, обособленности. Бесконечность — неделима. Обособленность как частность, произвольно полагаемая принципом в предпосланности неисчислимого изобилия, в действительности разворачивается тотальным противостоянием обособившихся индивидов-ничтожеств (в силу их принципиальной неопределенности), или войну каждого против каждого.

Следовательно, субъектом-собственником в предпосланности необъятного, изобильного края может быть только сообщество людей, каждый из которых отношение к ближнему полагает как определяющее его индивидуальную сущность. Примат соотнесенности с ближним (не с другим, или иным,

чужим) находит себе подтверждение в обстоятельстве суровых ландшафтно-климатических условий жизни. Что может быть ближе того, в сплочении с кем любой может смирить, освоить, преобразить враждебность стихии? Другими словами, суровость природной стихии способствует отбору тех, кто, сплотившись в братском единстве, смеет с этой стихией жить, но и умеет эту стихию обживать, делать своей собственной.

Сегодня расширение технологических возможностей проблему собственности в контексте динамического освоения Евразийского пространства делает еще более актуальной. Ведь в двадцатом веке Евразия достигла такого «геополитического и хозяйственного единства, какого ранее она не имела. Поэтому теперь налицо такие условия для все-евразийского государственного единства, каких раньше быть не могло»¹. И с этой точки зрения стратегия евразийской интеграции означает неизбежность формирования, в которой качественность пространственного самоопределения будет теснейшим образом переплетаться с качественностью временного самоопределения. В общих чертах это означает, что концептуальная необъятность евразийского Края, делающая возможным опыт освоения бесконечности, предполагает в перспективе преодоление и временного ограничения, что в корне изменит представление действующего субъекта и о себе самом и о своей собственности.

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М. «Алгоритм», 2008. С. 19.

Список литературы

Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М. «Алгоритм», 2008.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I. // В. О. Ключевский, Сочинения в 9-ти т., М., «Мысль», 1987.

Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое. // П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х т. М., «Наука». Т. 1, 1991.

Сборник материалов
I Евразийского философского конгресса
(Москва, 16–17 февраля 2024 г.)

ТЕЗИСЫ. ДОКЛАДЫ. СТАТЬИ.

Scientific collection
The first Eurasian Congress of Philosophy
(Moscow, February 16–17, 2024)

THESES. REPORTS. ARTICLES.

Вёрстка *Иван Вдовин*

Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,8. Уч.-изд. л. 21,6.
Тираж 500 экз. Заказ №

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru